

Petruk I. P.

Ternopil National Economic University

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF CRISIS MANAGEMENT NATIONAL ECONOMY IN A GLOBALIZED

Summary

The influence of national crisis management in a globalizing economy. The effect on the economy of management by crisis management, and a globalizing economy, globalization is the main element of the expansion of world trade by eliminating or reducing trade barriers such as import tariffs. The article elaborated approaches to economic development and implementation of the principles and methods of overcoming crisis in the economy. The purpose of the article is to determine the direction of reforming Ukraine's economy in the context of global processes of the global economy.

Keywords: globalization, innovation, supranational governance, new economy, economic model, social and economic challenges, modernization of the economic system.

УДК 330.1:330.837

Шедяков В. Е.

Государственный университет телекоммуникаций

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО ПРОГРЕССА

Исследованы теоретические вопросы развития социальной экономики в постсовременном обществе. В этом контексте изучены направления реализации принципов производственной демократии и организации социального партнерства. С этой точки зрения предложены пути оптимизации экономических реформ.

Ключевые слова: социальная экономика, социально ответственное поведение, производственная демократия, социальное партнерство.

Постановка проблемы. Зависимость формирования и (пере)распределения общественного богатства от характера общественных институтов и представлений о должном была зафиксирована в целом ряде исследований, продемонстрировавших устойчивую корреляцию долгосрочных темпов экономического роста и состояния социальности (социальных отношений, социального поля, социального пространства, социального капитала). Смыслы жизнедеятельности – человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность эндогенных трансформаций их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего мира. При этом духовные отношения, сфера нравственности и морали – не «надстройка», а стержень экономики. Доверие – необходимый элемент здорового общественного механизма. Не только «сон разума рождает чудовищ»; ещё более опасные химеры могут инициироваться аморальным интеллектом. В общественной жизни (в том числе в её экономической составляющей) осуществляется нравственное содержание, формируемое тысячелетиями взаимодействия и кооперации. За использование же отрицательной моральной силы для реализации своих планов, за насилие над моралью и человечностью всегда следует расплата. Ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, спаянные моралью и традициями, обеспечивают сосуществование, партнерство и развитие людей (в том числе – в хозяйственной сфере). Напротив, контртрадиционная (то есть расчужденно сконструированная) система морали на деле становится возвратом к технотронному варварству с господством права сильного, апологией инстинктов и расчеловечиванием общественной жизни. Соответственно, для проведения реформ крайне важно уточнить политико-экономический вектор преобразований: будут ли они подчинены задачам наиболее полного удовлетворения частного

эгоистического интереса или же (в том числе и с его активным использованием) окажутся направленными на решение гораздо более кардинальных общественных задач.

Анализ исследований и публикаций. Научная традиция изучения совокупного богатства общества восходит еще к Аристотелю (с его различением экономики и хрематистики), Ксенофону, а также Л. Вальрасу, Дж. Гэлбрейту, Дж.М. Кейнсу, Дж.Б. Кларку, Ф. Кенэ, К. Марксу, А. Маршаллу, Дж.С. Миллю, Р. Оуэну, А.С. Пигу, А. Смит и др. Впрочем, соотношение разума и веры, науки и культуры, возможности целенаправленного влияния на течение исторического процесса, закономерности социального времени, роль объективного и субъективного, рационального и иррационального факторов общественного развития, по-разному раскрывалось сторонниками разных подходов, например, энциклопедистами, сторонниками шотландской школы и классической немецкой философии. И. Кант, рассматривая нравственность как детерминанту человеческой деятельности, предельно четко выявил качественное различие культуры интеллектуальной и духовной. В свою очередь, для Г.В.Ф. Гегеля все проявления духа – это лишь виды знания. Позднейшие исследования Л. фон Мизеса, А.Ф. фон Хайека, М. Вебера и К. Поппера дополнительно привлекли внимание к роли нравственности и традиций в обеспечении стабильности экономического развития и преодолении встречающихся рисков. В частности, в наше время в изучении факторов и процесса общественного (в частности, экономического) развития весьма преуспели такие исследователи, как В. Вазюлин, В. Василькова, И. Барыгин, В. Быченков, А. Зарубин, В. Келле, М. Ковальзон, А. Кравченко, П. Романов, С. Труфанов, И. Черникова, В. Фофанов, И. Яковлев, Е. Ярская-Смирнова и др. Специфика человеческого капитала (фактора) изучалась, в частности, А. Бузгалиным,

Н. Верхоглядовой, Е. Гришновой, А. Захаровой, А. Колгановым, В. Лычом, И. Соболевым и др.

Выделение не решенных ранее частей общей проблемы. Условия гиперконкуренции и глобализации накладывают свои требования, сопряженные, в частности, с необходимостью, с одной стороны, учитывать особенности давления трансформаций международных отношений, а, с другой, отдавать предпочтение реализации моделей социально-экономического развития на основе эндогенного технологического прогресса [1-7]. То и другое непосредственно требует и обеспечения институциональных условий (прежде всего, приобретения традиционными ценностно-смысловыми комплексами) создания прогрессивных форм для свойственных имеющейся системе хозяйствования особенностей, и акцентирования социально-экономических «точек развития». Все это приводит к новому прочтению содержания социальной экономики в контексте постсовременных хозяйственных трансформаций, оживлению классических подходов к оптимизации приумножения содержанию общественного богатства [8-16].

Цель статьи. Главной целью этой работы является охарактеризовать авторскую позицию по конкретизации предпосылок, необходимости и условий реализации идеологии развития социальной экономики во время усиления тенденций постмодерна (с увеличением роли глобализации, сектора знаний, финансиализации, сервисизации и проч.).

Изложение основного материала. Понимание социальной экономики не исключительно в контексте «социального сектора», а с позиций акцентирования социальной направленности всей экономики не только позволяет актуализировать социокультурное основание экономического роста, но и становится удивительно созвучным потребностям общественного развития [17-19]. Экономическая составляющая общественного порядка существенным образом меняется под воздействием усиливающихся в глобальном масштабе тенденций. Процессы глобализации позволяют перемещаться, выбирая более комфортные условия приложения сил и разнося экологически грязные производства с местами присвоения их результатов. Переструктурирование мирового хозяйствования под воздействием анклавов «общества знаний» все заметнее ограничивает по основным средствам, методам и формам конкуренцию внутри различных ярусов экономики. Проступающие на глобальном уровне признаки постсовременности в «большом обществе» (включая, прежде всего, постмодерн в культуре и постиндустриальное состояние экономики, общественных производительных сил) переносят акценты в создании и (пере)распределении общественного богатства. Совокупная общественная эффективность и хозяйственная конкурентоспособность в постсовременных условиях обеспечиваются развитием и реализацией личности и персонализацией деятельности, а отнюдь не нивелированием людей и усреднением функций. Трансформации способа производства, научно-технической и социально-экономической сторон прогресса человека привели к кардинальному росту роли человеческого и социального факторов жизни общества. Соответственно, вовсе не какие-либо формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, новые же горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала населения. Основой стратегического курса и становится овладение инновационным путем развития, основы которого как раз и закладывают структурная перестройка экономики и трансформация тру-

довых отношений. В условиях же общественной инверсии (когда не гражданское общество создает государственность, а государство обеспечивает доформирование и функционирование гражданского общества) развитая социальность предполагает достижение определенного экономического уровня. Таким образом, ныне формируется и необходимая как материально-техническая, так и социально-экономическая база социальной экономики, и необходимость в ней для дальнейшего устойчивого развития. В этих условиях дополнительные вложения «в человека» и «в общество» – это отнюдь не обременительная социальная нагрузка, а непереносимое условие качественного участия в конкурентной борьбе на верхних этажах экономики, где место экономики на переменном капитале в качестве магистрального направления получения стратегического выигрыша занимает творческая интеллектуальная деятельность, требующая тщательной подготовки и обеспечения, в том числе, путем качественного управления [20-22].

После механизации, автоматизации и роботизации за человеком остается то, что не подпадает под этот процесс и сконцентрировано вокруг творческого развертывания его сущностных сил. Сегодня знание становится определяющим элементом общественно необходимого труда; основной источник стоимости – творческий, прежде всего интеллектуальный, потенциал, а не психофизические усилия работника; приоритет стратегий развития – производство знаний и эффективное применение них; добавленная стоимость распределяется с учетом затрат производителя, демократизируются системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления), трансформируется общественное и индивидуальное потребление, ликвидируются основы классических форм отчуждения, экономика становится социально глобальной, меняется тип субъекта, предмета и орудий труда в социально-экономической и институциональной структурах общественного воспроизводства.

Вместе с тем социальная экономика характеризует необходимость как совокупного приращивания социального капитала, так и отсутствия резкого перепада в его распределении в обществе. По-прежнему существуют два мощных приоритета социально-экономического развития и определяющие показатели общественного прогресса. Во-первых, жизнь человека, ее качество и длительность. Во-вторых, достижения цивилизации, культурное наследие. Первое направление фиксируется прежде всего корзинами социально-экономических, политических и духовно-идеологических прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации и т.п. Государство и правительство состоятельны в том случае, если могут обеспечить безопасность, развитие и реализацию социально-экономических возможностей каждого. И уж совсем недопустимы случаи чуть ли не приватизации возможностей государств отдельными группами людей в своих целях.

Соответственно, ценностно-смысловые комплексы определяют не только расстояние, которое в состоянии преодолеть конкретный культурно-цивилизационный мир, не только скорость и ловушки движения на этом пути, но и сам путь, сами оси его прогресса. Опора на них – обязательное условие достижения устойчивого социально-экономического развития. В целом тип культуры и тип богатства – два выражения ценностно-стоимостного бытия общества. А всеобщность общественных отношений капитала обеспечивает распространённость капитализированной формы богатства, которое теперь и выступает, в том числе как капитал

реальный, социальный и т.д. Причем если утилитарно-прагматические ценности производны от способа производства непосредственно либо через структуры потребностей, то абсолютные ценности, ценности-идеалы влияют на состояние и развитие экономики как первичные.

При этом, разумеется, основные движущие силы далеко не всегда оказываются главными выгодополучателями, а система распределения благ асимметрична. Возможность и умение ощущения (и предвосхищения) логики происходящего, отзывчивость на назревшие общественные запросы и потребности позволяет состыковывать формы реализации фундаментальных и актуальных пластов социальной практики, опираться на объективные и субъективные предпосылки изменений, сочетать воздействие рациональных и иррациональных факторов. Автоматы координации и самоуправления в неявном виде содержатся в самой социокультурной структуре, а вовсе не имплантированы в нее неким демургом насильно. Управление вообще неотделимо от системы и никакая бригада менеджеров не является изолированным блоком управления. При взаимодействии в структуре культурно-цивилизационного мира тысяч индивидов происходит спонтанная самоорганизация, самонастройка и самосохранение порядков, традиций, ценностей и смыслов, осознать которые во всей полноте немислимо и сверхзадача которых – воспроизводство и восхождение целостности. Социокультурная целостность потому и выживает, что нельзя ни при каких обстоятельствах контролировать ее полностью и централизованно. Это, впрочем, совсем не отрицает пользы от применения ресурсной базы и планирования, и управления, и централизации, наряду с самоуправлением и децентрализацией. Вместе с тем ограничиваются возможности эффективного государственного вмешательства в частную жизнь населения, определяются грани оптимизации публично-частного сотрудничества в реализации исторических процессов.

Заново актуализируется выбор: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых или же решение гораздо более широких задач, опираясь в том числе и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. С одной стороны, в процессах хозяйствования при нынешнем уровне общественного разделения труда уровень кооперации и взаимозависимости настолько высок, что превращает под натиском всесторонней социализации понятие частной собственности в абстракцию, принцип. С другой стороны, стимулы самореализации, чувство собственного достоинства, цели личностного совершенствования и достижений акцентируют задачи личностного совершенствования и индивидуального выбора. В любом случае при всем разнообразии конкретных вариантов и форм сочетания общественного и личного, всеобщего и частного очевидно, что направления реализации хозяйственной власти, связанные с разрушением культурного слоя цивилизации или же с наступлением на права и возможности творческой самореализации человека (тем более – его жизнь), не могут быть признаны эффективными.

В этой связи и содержание понятия развития, прогресса нуждаются в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного экономического роста они должны ориентироваться на такие этические ценности, как солидарность, свобода выбора и слова, терпимость, которые и обеспечивают социальное поле (уровень социальности, социальный капитал, социальную ткань и т.п.) доверия как пронизывающую хозяйственный механизм

характеристику. Социальность экономического пространства, наполненного общественными и личностными интеракциями, складывается в большую/меньшую устойчивость, долговечность или же гибкость, мимолетность социальных связей как признаков фундаментальных и актуальных отношений между процессами внешними и внутренними. Доверие оказывается не только важнейшим параметром социального капитала общества, но и условием качественной экономической структуры, а также устойчивости системы хозяйствования. Вместе с тем емкость платежеспособного внутреннего спроса и качество жизни в стране – необходимые предпосылки вовлечения активного трудового потенциала. Тем самым, невзирая на наличие потенциала фордистских подходов, формируется общественный запрос на гораздо более адекватное существо социальной экономики прочтение задач активизации человека и путей управления.

Адекватные складывающимся в глобальном масштабе условиям организационно-институциональные формы часто связывают с моделями социального партнерства, производственной демократии и развитием социально ответственного поведения [23-28]. Базирующиеся на них сценарии экономической политики включают в себя понимание зависимости личных достижений от состояния общественной среды, и, стало быть, заинтересованности в ее развитии. Соответственно, их развертывание позволяет преодолевать рамки правил и подходов «игры с нулевой суммой», предоставляет методологии осуществления действий с приращением возможностей как каждого из участников, так и совокупного общественного богатства (win-win strategy, green-green strategy), интеграцией в управленческих композициях созидательных потенциалов фордизма и постфордизма.

Важнейшее место в продуктивном объединении производительных сил и обеспечении социального партнерства занимает производственная демократия постиндустриального уровня, совершенствование механизмов которой сегодня – это тоже отнюдь не только дополнительный организационный ресурс, но и безальтернативный способ достижения доминирования продуктивных форм согласия общества, поддержания эффективной социально-политической среды. Преодоление монополии «внеморальных» моделей деятельности, рост антропоцентристских тенденций обогащает творческий потенциал; человек умеет и знает больше, чем осознает. В свою очередь, распространение много-сложного труда «бросает вызов» человеку, а необходимость полагаться в решениях на самого себя, привычка к ответственному поведению, самоограничению и самокритичности вообще не локализируются исключительно в производственной сфере. Обеспечение реализации социально привлекательной модели развития при усилении роли экономики знаний и когнитариата в осуществлении конкурентоспособности национального проекта хозяйствования требует широкого внедрения, распространения и совершенствования институтов и механизмов социального партнерства и производственной демократии. Вообще, экономическая демократия – необходимое условие демократии политической, а совершенствование трудовых отношений – существенный, даже системообразующий, элемент экономической демократии.

Для комплексной оценки потенциала и перспектив развития производственной демократии сегодня целесообразно выделять: по уровню участия – демократию промышленно-производственную (на одном предприятии) и экономическую (в отрасли и всей экономике); по степени участия – демократию

соучастия (меньшинство в органах управления при совещательном характере полномочий), соуправления (равное представительство и право вето), самоуправления (участники производства управляют предприятием, как правило, по принципу «один работник – один голос»); по форме участия – демократию прямую или косвенную. В управлении собственностью производственная демократия, как правило, выражается в определении профиля, ассортимента и масштабов производства, соотношения прибыли и себестоимости, в участии в принятии решений о формировании фондов, о кадровых перемещениях, в контроле за администрацией; в управлении производством – в решении вопросов технологии, контроля, обеспечения ритмичности, благоустройства, распределения и оптимизации внутривыпускных материальных потоков, хранения ценностей, достижения трудовой дисциплины; в управлении социальной сферой – в коррекции постоянной и переменной частей заработка, форм стимулирования, условий труда, экологических требований, в управлении бытовой сферой – в распределении дополнительных корпоративных возможностей решения проблем отдыха, жилья, охраны здоровья, образования, детских учреждений, предоставлении разнообразных внутрикорпоративных услуг и т.п. [29-32].

Соответственно, представления о социальной экономике сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует не на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества (прежде всего, интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в их правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества, сопереживания и сочувствия к жертвам несправедливости.

При этом от субъектности проводимых преобразований (проявляющейся в векторе заинтересованности, воле и качестве социетального управления) в условиях форсированных трансформаций во многом зависит не только итог изменений, но и формирование «коридора свободы» дальнейшего развития системы хозяйствования, ее возможности, перспективы и ограничения. И в этом смысле жесткость требований к элите в вопросах защиты общественного достоинства и отстаивания общих интересов вовсе не предполагает очередной период «затягивания поясов» во имя светлого будущего. Более того, качество и уровень дальнейшего социально-экономического развития напрямую зависит от создаваемого в период форсированной трансформации основания; эти периоды мощно связаны. Доминантная при преобразованиях методология системообразующих отношений и моделей ключевых решений получает свое развертывание и в параметрах экономического роста переформатированного общества. Потому задействование спусковых крючков механизмов запуска позитивных изменений во всем культурно-цивилизационном мире требует приоритетного внимания к управлению знаниями посредством поддержки образовательно-научно-производственных комплексов.

Выводы и предложения. Системный мировой экономический кризис начала XXI века – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако, ее преодоления неизбежно требует учета постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона ее возможностей в развитии и активизации человеческого фактора. При-

чем в балансе возможностей и опасностей, которые актуализируются ассоциации с Евросоюзом, одно из важнейших преимуществ связано с адаптацией мирового опыта и использованием социально зрелых форм производственной демократии, форматированием адекватных управленческо-организационных отношений (в частности, в трудовой сфере). Тенденции к развитию в глобальном масштабе экономики знаний требуют непрерывности процесса подготовки и переподготовки когнитивариата, обеспечения его мотивированности. Перенос на уровень автоматов мускульных и энергетических функций повышает ценность собственно творческого потенциала человека. Таким образом, исподволь готовится основание для качественного изменения восприятия уровней средства и цели. Уже сегодня обеспечение конкурентоспособности отдельной хозяйственной структуры и стратегическое выживание и перспективы сверхпроекта каждого из культурно-цивилизационных миров напрямую зависят от судьбы эффективных образовательно-научно-производственных комплексов. С другой же стороны, – совокупные затраты на финансиализацию и сервисизацию хозяйствования, а также на создание анклавов «новой экономики» далеко не всегда соответствуют ожидаемым результатам и, соответственно, являются оправданными в глобальном масштабе.

Заведомо контрпродуктивной становится стратегия попыток как воспроизвести мировой опыт прошлых модернизаций, так и воспользоваться калькой со своих прежних инноваций: иное время, другие факторы и составляющие успеха. Какие-то ресурсно-методологические зоны закрылись, будучи исчерпанными, иные перестали быть эффективными или определяющими. При этом для обеспечения прогрессивных структурных трансформаций необходимо подтверждать имиджевую привлекательность страны, базирующуюся вовсе не на шароварщине далекого прошлого, не на букалическом воспеании сельской идиллии, а на атрибутике XXI века – мощным научно-образовательным комплексе, эффективных стимулах развития и активизации научно-интеллектуального потенциала. На передний план выходят задачи налаживания эффективных контактов с «большим обществом» по вовлечению в реализацию этой стратегии. Применение для укрепления научно-образовательного комплекса ресурсных баз социального партнерства, производственной демократии, групповой организации труда, обогащения деятельности, гибкого рабочего времени, корпоративной культуры, проектно-матричного управления и создания на их основе управленческих композиций в состоянии принести больший эффект именно при постмодернизации как постсовременной модернизации – из-за большего диапазона последствий. Украине сегодня легче и плодотворнее ориентироваться вовсе не на идеалы построения псевдозападного общества и абстракции «чистого рынка» классического образца (которые базируются на вестернизированных моделях индивидуализма, светского государства, частной собственности, гражданского общества и т.п.), а именно на пострыночное хозяйство, основанное и на заведомо внерыночных принципах, а также моделях, впитавших иную историю и традиции.

К числу обязательных показателей успеха социально-экономического развития общественной системы и условий конкурентоспособности национального проекта в мировом масштабе относилось обеспечение качества жизни, которое часто непосредственно связывалось с понятием социального государства. Вместе с тем сегодня этот подход тре-

бует дальнейшего содержательного уточнения. С одной стороны, финансовые неурядицы заставили даже наиболее развитые государства пересматривать подходы к обеспечению социально-экономических прав граждан. Наметились тенденции усиления давления на бюджеты со стороны находящихся на социальном обеспечении групп, что, вроде бы, может стать фактором подрыва конкурентоспособности (особенно – при соперничестве с регионами низких дополнительных издержек и затрат на рабочую силу). На этом фоне правительствами многих стран все чаще предпринимаются попытки различными способами переложить бремя выхода из кризисного состояния на работающее население, происходит сворачивание социальных программ, сокращение бюджетного сектора, повышение пенсионного возраста и т.д. Между тем, ухудшение качества жизни, поляризация личных доходов населения может дать толчок массовым протестным движениям. С другой стороны, превращение экономики знаний и когнитариата в структурообразующее ядро социально-экономических процессов в состоянии существенно повлиять на эффективные

подходы к стимулированию и управлению в социально-ориентированной пострыночной экономике, где продуктивна вовсе не экономия на переменном капитале, а всестороннее развитие человека и создание благоприятных условий для индивидуального и коллективного творчества.

Применение для укрепления научно-образовательного комплекса ресурсных баз социального партнерства, производственной демократии, групповой организации труда, обогащения деятельности, гибкого рабочего времени, корпоративной культуры, проектно-матричного управления и создания на их основе управленческих композиций в состоянии принести больший эффект именно при постмодернизации – из-за большего диапазона последствий. Украине сегодня легче и плодотворнее ориентироваться вовсе не на абстракции «чистого рынка» классического образца (которые базируются на вестернизированных моделях свободы, равенства, индивидуализма, светского государства, частной собственности, гражданского общества и т.п.), а именно на пострыночное хозяйство, основанное и на заведомо внерыночных принципах.

Список литературы:

1. Дагаев А.А. Новые модели экономического роста с эндогенным технологическим прогрессом / А.А. Дагаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 6. – С. 40-51.
2. Шишков Ю.В. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики / Ю.В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 10. – С. 15-25.
3. Шедяков В.Є. Трансформації міжнародних економічних відносин як фактор удосконалення інтеграційних процесів // Економіст. – 2014. – № 11. – С. 14-19 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/9075-transformaciyi-mzhnarodnih-ekonomichnih-vidnosin-yak-faktor-udokonalennya-integracynih-procesiv.html>.
4. Kurth J. Toward the Postmodern World / J. Kurth // Dialogue. – 1993. – № 2. – P. 8-13.
5. «Круглый стол» журнала «Регион: проблемы и перспективы» // Регион: проблемы и перспективы. – 1997. – № 1. – С. 9-12.
6. Хохлов Н.П. Политэкономический подход к осмыслению процесса глобализации / Н.П. Хохлов // Социальная экономика. – 2003. – № 1. – С. 48-57.
7. Егоров И.А. Логика экономического процесса: социэкономический синтез / И.А. Егоров // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 4. – С. 27-36.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
9. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Эрик С. Райнерт. – М. : НИУ ВШЭ, 2011. – 384 с.
10. Шедяков В.Е. Богатство народа: откуда и куда? / В.Е. Шедяков // Бизнес Информ. – 1995. – № 29-30. – С. 4-7; № 31-32. – С. 5-9.
11. Пигу А. Экономическая теория благосостояния : в 2 т. / А. Пигу. – М. : Прогресс, 1985. – Т. 1. – 512 с. ; Т. 2. – 454 с.
12. Кларк Дж.Б. Распределение богатства / Дж.Б. Кларк. – М. : Экономика 1992. – 447 с.
13. Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993–1994. – Т. 1. – 416 с. ; Т. 2. – 310 с. ; Т. 3. – 351 с.
14. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии / Л. Вальрас. – М. : Изограф, 2000. – 448 с.
15. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1976. – 406 с.
16. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка / Я. Тинберген. – М. : Прогресс, 1980. – 426 с.
17. Єременко В.Г. Основи соціальної економіки / В.Г. Єременко. – К. : МАУП, 1997. – 168 с.
18. Гриценко А.А. Социальная экономика как наука / А.А. Гриценко // Социальная экономика. – 2001. – № 1. – С. 7-13.
19. Шедяков В.Е. Социальная экономика в эпоху знаний / В.Е. Шедяков // Актуальні проблеми модернізації економіки та фінансової системи України : матер. Міжнар. наук.-практ. конф. – Черкаси, 2014. – С. 54-58.
20. Шедяков В.Е. Социокультурные основания устойчивого экономического развития / В.Е. Шедяков // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. – Сер. Економічні науки. – 2014. – Вип. 9. – Ч. 1. – С. 13-19.
21. Шедяков В.Є. «Людський капітал» і розвиток трудових відносин: взаємопереплетення внутрішніх і зовнішніх тенденцій // Новий формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава. – К. : Корпорація, 2005. – Ч. 3.11. – С. 371-380.
22. Лич В.М. Місце людського капіталу у здійсненні стратегії ефективного розвитку та забезпеченні конкурентоспроможності національної економіки / В.М. Лич, В.Є. Шедяков // Людський капітал України: стан, проблеми, перспективи відтворення : у 2 ч. – К. : КНУБА, 2009. – Ч. II. – 236 с.
23. Шедяков В.Є. Удосконалення трудових відносин як основа стійкості та розвитку громадянського суспільства / В.Є. Шедяков, О.А. Білінов, П.Д. Морозов ; заг. ред. П.Д. Морозова. – К. : Задруга, 2014. – 320 с.
24. Шедяков В.Е. Развитие социальной ответственности бизнеса и совершенствование социального партнерства: удар по своей конкурентоспособности или расширение ее ресурсной базы в условиях глобальной нестабильности? / В.Е. Шедяков // Проблеми та розвиток економічних систем в умовах глобальної нестабільності : матер. Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю. – Миколаїв, 2014. – С. 8-11.
25. Шедяков В.Е. Место социальной ответственности в обеспечении продуктивной основы реализации общественных интересов / В.Е. Шедяков // Соціальна відповідальність влади, бізнесу і громадян : у 2-х т. / Г.Г. Півняк, А.І. Амоша, В.Є. Шедяков та ін. ; заг. ред. Г.Г. Півняка ; М-во освіти і науки України ; Нац. гірн. ун-т. – Д. : НГУ, 2014. – Т. 1. – С. 282-290.
26. Шедяков В.Є. Соціальна відповідальність бізнесу за розвиток соціального капіталу суспільства / В.Є. Шедяков // Вісник Одеського національного ун-ту. – 2011. – Т. 16. – Вип. 8. Соціологія і політичні науки. – С. 15-25.
27. Шедяков В.Є. Розвиток системи відносин соціального партнерства як чинник забезпечення високого рівня трудової мотивації / В.Є. Шедяков // Актуальні проблеми економіки. – 2013. – № 4(142). – С. 33-47.

28. Шедяков В. Розвиток соціального партнерства в контексті постіндустріальних трансформацій трудових відносин / В. Шедяков // Економіка України. – 2012. – № 10. – С. 80-91.
29. Шедяков В.Є. Розвиток виробничої демократії як чинник вдосконалення трудових відносин / В.Є. Шедяков // Формування ринкових відносин в Україні. – 2014. – № 6. – С. 221-228.
30. Шедяков В.Є. Корпоративна культура та розвиток виробничої демократії: поєднання логік антикризових заходів і переходу до економіки знань / В.Є. Шедяков // Економіст. – 2013. – № 11(325). – С. 25-31 [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/5725-korporativna-kultura-ta-rozvitok-virobnichoyi-demokratyi-poyednannya-logk-antikrizovih-zahodv-perehodu-do-ekonomki-znan.html>.
31. Lazarenko V. Asian Model of IR Advancement: Experience from the Post-Soviet World / V. Lazarenko, V. Shedyakov // Democratization, Globalization and the Transformation of Industrial Relations in Asian Countries: Abstract Book of International Industrial Relations Association 3rd Asian Regional Congress. – Taiwan : Taipei, R.O.C., 1996. – P. 61-63.
32. Lazarenko V. Employment Models and HRM Strategies During Societal Transformation: Data from Ukraine and Russia / V. Lazarenko, V. Shedyakov // Central and Eastern Europe. – Industrial Relations and the Market Economy: 5th IIRA European Relations Congress. – Ireland : Dublin, 1997. – Vol. 8. – P. 253-268.

Шедяков В. Є.

Державний університет телекомунікацій

РОЗВИТОК СОЦІАЛЬНОЇ ЕКОНОМІКИ ЯК УМОВА СТІЙКОГО ПРОГРЕСУ

Резюме

Досліджено теоретичні питання розвитку соціальної економіки в постсучасному суспільстві. У цьому контексті вивчено напрями реалізації принципів виробничої демократії та організації соціального партнерства. З цієї точки зору запропоновано шляхи оптимізації економічних реформ.

Ключові слова: соціальна економіка, соціально відповідальна поведінка, виробнича демократія, соціальне партнерство.

Shedyakov V. E.

State University of Telecommunications

DEVELOPMENT OF SOCIAL ECONOMY AS A CONDITION FOR SUSTAINED PROGRESS

Summary

The theoretical aspects of the social economy in the postmodern society are investigated. In this context, the directions of implementing the principles of industrial democracy and social partnership organizations are studied. From this point of view, ways of optimization of economic reforms are proposed.

Keywords: social economy, socially responsible behaviour, industrial democracy, social partnership.